

Иерей Вячеслав Умнягин

**Тема межнациональных отношений
в воспоминаниях соловецких узников**

Аннотация: В воспоминаниях соловецких узников XX в. отсутствуют упоминания этнических конфликтов, практически не затрагивается тема межнациональных отношений. Мемуаристы демонстрируют свое стремление судить о человеке по его внутренним качествам, что свидетельствует о культуре общения, позволявшей представителям разных этноконфессиональных групп вести мирное сосуществование в крайне неблагоприятных условиях лагерной жизни.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий лагерь особого назначения, мемуары, межнациональные отношения

Abstract: There is no mention of ethnic conflicts in the memoirs of the Solovetsky prisoners. The theme of international relations has little significance to the former prisoners. Memoir writers underscore their willingness to judge a person by his inner qualities, which testifies to the culture of communication which allowed representatives of different ethno-confessional groups live in peaceful co-existence in the extremely difficult conditions of prison life.

Key words: Solovki, the Solovki camp, memoirs, interethnic relations

Места лишения свободы в СССР – один из символов советского тоталитаризма, ставившего целью создание «нового человека» и соответствующего ему типа общества, базовые ценности которого противоречили естественным потребностям людей, общепринятым правовым нормам, социальным традициям и известным верованиями.

Предельным выражением действующей в стране системы исполнения наказания стало Государственное управление исправительно-трудовых лагерей, которое следует рассматривать как «многосторонний, многомерный социально-экономический объект, без редукции его к одному, пенитенциарному, аспекту»¹.

¹ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. С. 10.

Принято выделять несколько периодов развития ГУЛАГа, чьи границы определены законодательными актами и обусловлены событиями внешне- и внутрисполитической жизни государства, которые нашли свое отражение в материалах личного происхождения узников Соловецкого лагеря особого назначения ОГПУ (1923–1937)¹ и сменившей его тюрьмы ГУГБ НКВД (1937–1939), оказавших заметное влияние на формирование советской пенитенциарной системы.

Письма и мемуары, авторы которых часто отбывали наказание не только на Соловках, охватывают всю историю и практически всю географию ГУЛАГа. Они являются ценным материалом для изучения самого широкого спектра причин, механизмов и последствий политических репрессий, в том числе в области межнациональных отношений.

Учитывая субъективизм имеющихся документов, настоящий очерк не претендует на окончательные выводы, но позволяет акцентировать внимание читателя на целом ряде особенностей и закономерностей исследуемых источников и эпохи.

Этническую неоднородность лагерного населения, засвидетельствованную самими заключенными («здесь север, юг, восток и запад»²), подтверждают данные официальной статистики.

Так, на 1 октября 1927 г. на Соловках из 12 896 лишенных свободы людей абсолютное большинство составляли русские – 9364, затем шли евреи – 739, далее белорусы – 502, поляки – 353 (самая представительная группа иностранцев), украинцы – 229, турки – 198, грузины – 184, татары – 184, эстонцы – 113, армяне – 108, латыши – 91, черкесы – 89, немцы – 65, узбеки – 63, финны – 62, осетины – 59, литовцы – 55, карелы – 48, венгерцы – 40, персы – 39, чувашаи – 32, чеченцы – 29, лезгины – 28, ингуши – 26, китайцы – 24, калмыки – 23, цыгане – 22, греки – 20, турки – 14, чехословаки – 13, молдаване – 9, сарты – 8, горцы – 7, румыны – 7, тавлины – 7, афганцы – 6, французы – 6, буряты – 5, караимы – 5, дагестанцы – 4, кабардинцы – 4, киргизы – 3, сербы – 3, итальянцы – 2, албанцы – 1, зыряне – 1, корейцы – 1, черемисы – 1³.

Спустя 10 лет из 1818 человек трех соловецких этапов, расстрелянных в годы Большого террора, 55% были русскими, украинцы составляли – 13%, евреи – 9%, по 1–3% белорусов, немцев, поляков, эстонцев, армян, татар,

¹ В 1923–1929 гг. встречаются разные названия: Лагерь принудительных работ ГПУ на Соловецких островах, Соловецкие лагеря Особого назначения ГПУ, Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ГПУ, Соловецкий лагерь особого назначения ГПУ, Соловецкие концентрационные лагеря ОГПУ. См.: *Сошина А.А.* Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках (1923–1939 гг.) // Соловецкое море. 2010. №9. С. 122.

² *Бессонов Ю.Д.* Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловецкий монастырь, 2013. С. 508.

³ *Сошина А.А.* Указ. соч. С. 130–131.

грузин; по 0,5–1%, т. е. 9–18 человек, латышей, финнов, тюрок (азербайджанцев), румын, узбеков; по 3–8 человек карелов, молдаван, мордвин, башкир, коми, венгров, чехов, литовцев, туркмен, цыган, чеченцев, корейцев, черкесов; по 1–2 человека карачаевцев, греков, осетин, французов, лезгин, казахов, киргизов, таджиков, чувашей, абазин, караимов, аджарцев, шведов, вотяков, эрзя, удмуртов, ингушей, тувинцев, кабардинцев, болгар¹.

Из приведенных данных видно, что этнический состав каторжан оставался неизменно разнообразным, с течением времени менялись лишь пропорции отдельных национальностей, что было связано с политической обстановкой внутри и за пределами СССР.

В середине 1920-х гг., по наблюдению А.Д. Булыгина, представители кавказских народов, туркмены, узбеки, крымские татары чаще всего попадали в лагерь за «политический бандитизм», т. е. преступления против Советской власти, которые «состояли из группового бандитизма на дорогах, из организации крушений поездов с их последующим ограблением, из участия в движении басмачей»².

Что касается иностранцев, то «стоило только правительствам Болгарии, Эстонии, Польши, Финляндии, Венгрии, Турции и т. д. принять строгие меры против разрушительной работы коммунизма в своих странах, ГПУ сейчас же начало высылать на Соловки болгар, эстонцев, венгров, турок и т. д.»³, – писал финский офицер А. Клиндер и пояснял, что они становились заложниками, которых при необходимости обменивали на арестованных за границей коммунистов.

Представительной в национальном отношении выглядела и лагерная администрация. О ее составе можно судить по мемуарам, в которых наряду с Васьковым, Ногтевым, Успенским упоминаются Ауке, Вейс, Квицинский, Кучма, Михельсон, Френкель, Эйхманс.

При этом даже поверхностное знакомство с литературным наследием авторов, большинство из которых были русскими по происхождению или самоощущению, показывает, что с точки зрения суждения о человеке их меньше всего интересовало происхождение окружающих людей – будь они из числа начальников или заключенных.

«Я продолжаю думать и теперь, что облик человека характеризуют его воззрения, как и его поступки, но судить о нем лишь по его взглядам – нелепость. Так же ложно судить по национальности и по профессии, хотя и национальность, и профессия дают материал для суждения, но лишь при цело-

¹ *Флоренский П.А., свящ.* Соч.: в 4 т. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. М.: Мысль, 1998. С. 678.

² *Булыгин А.Д.* Соловецкая быль // Коллекция мемуаров и литературных произведений НИИЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2, оп. 1, №31. Машинопись. Л. 33.

³ *Клиндер А.* Соловецкая каторга. Записки бежавшего // ВСУ. Т. 1. С. 112.

купном подходе к человеческой личности»¹, – писал историк и краевед Н.П. Анциферов, под словами которого могло бы подписаться большинство соловчан.

К редким исключениям относятся очерк этнического швейцарца А. Шауфельбергера², записки поляка М. Леонардовича³, изданный в немецкой оккупационной зоне роман Б.Л. Солоневича⁴, а также воспоминания нескольких летописцев, представляющих «“соловецку каторгу” как место исключительно и специально предназначенное “москвовской та жидівской владой” для уничтожении украинцев»⁵, в которых к антисемитским высказываниям добавляется антироссийская риторика.

Во всех остальных источниках упоминания о национальной принадлежности выступают, как правило, в качестве дополнительных характеристик описываемого персонажа и не содержат оценок или высказываний, свидетельствующих об этнической неприязни.

В «Неугасимой лампаде» Б.Н. Ширяев подробно рассказывает о соседях по камере, сообщая, например, об одном из них, что он турок, мусульманин, бывший член партии, контрабандист, нарком одной из закавказских республик, политически беспринципный, но в личной жизни очень порядочный и отзывчивый человек, добрый и верный товарищ, к тому же график, рисовальщик, который умел делать игрушки, музыкальные инструменты, варить сыр и мыло, коптить рыбу, готовить конфеты из картошки⁶.

Не менее детально автор знакомит читателя и с другими героями книги, подчеркивая тем самым значимость сложившегося между ними наднационального единства, предельным выражением которого стало то, что «Вася Овчинников – истовый старообрядец, Решад – правоверный мусульманин, барон – умеренный, как и во всем, добропорядочный лютеранин, пан Стась – фанатичный католик, я – православный, с налетом тогда деизма, Миша Его-

¹ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. С. 392.

² «Отлично всегда умели устраиваться евреи, в большинстве это были все спекулянты, торговцы, валютчики, комиссионеры, проворовавшиеся служащие трестов и кооперативов и вообще лица, игравшие роль в экономической жизни Советской России. Эти проныры с первых же дней прибытия на Соловки, умели находить теплые местечки и самую легкую работу» (*Шауфельбергер А.* Соловки // ВСУ. Т. 1. 2013. С. 298).

³ «Он управляющий работой на кирпичном заводе, зовут Ремер, настоящий жид» (*Леонардович М.* На островах пыток и смерти // Там же. С. 79).

⁴ «Народ ничего этого не забудет. Бог даст – настанет время – все попомним! Особенно – жидам!..» (*Солоневич Б.Л.* Тайна Соловков. Брюссель, 1942. С. 174–175).

⁵ *Маслов С.* Предисловие // Киселев-Громов Н.И. Лагери смерти в СССР. Шанхай, 1936. С. 7.

⁶ *Ширяев Б.Н.* Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 267–268.

ров – полный и убежденный атеист-эпикурец»¹, а также присоединившийся к ним в последний момент дневальный роты Шапиро вместе встретили православное Рождество 1924 г.

Аналогичный пример описан у белоруса Б.Л. Солоневича, который спустя четыре года праздновал то же событие в компании пожилого инвалида Хаима, пражанина Вячеслава Вихры, белогвардейского поручика Сергея Грабовского.

Уже упоминавшийся Н.П. Анциферов – широко образованный и верующий человек, которому принадлежат слова о том, что «приговор нации нужно выносить не по статистическим данным – каких больше, а учитывая лучших ее представителей»², не скрывая этнической принадлежности участников описываемых событий, внимание на ней не акцентировал, а использовал упоминания отдельных национальных черт лишь как средство художественного выражения.

«Нас встретил короткий субъект, напоминавший антисемитскую карикатуру из черносотенного журнала. Мелко курчавый, рыжий, с оттопыренными ушами, вывороченными губами, над которыми нависал мясистый нос, – писал литератор о прибытии этапа в Кемский пересыльный пункт. – Абрашу сменил верзила со скобелевской бородой, “гроза урок” Курилко – унтер царской армии»³.

Как здесь, так и в других мемуарах, даже при наличии упоминаний о внешности или национальности человека, при оценке личности на первый план выходят чистота его намерений по отношению к другим заключенным и его отношения с начальством.

Религиозную максиму такого подхода выразил священномученик Иоанн Стеблин-Каменский, писавший о том, что «чужды и нам только те люди, которые добро называют злом, а зло – добром; все же прочие, как бы они не погрязли в суете мира, – наши братья»⁴.

Свидетельствуя о зарождении СЛОНА, скрывший свое имя корреспондент парижского «Возрождения» сообщал читателям издания: кого ненавидят в лагере – доносчиков, которых «не только клеймят презрением, и подвергают безжалостному бойкоту, их сторонятся, с ними не разговаривают и всячески стараются им досадить»⁵.

¹ Там же. С. 210.

² *Анциферов Н.П.* Путь моей жизни: Воспоминания. 1958 г. // ОР РНБ, архив Н.Н. Анциферова. Л. 405–408.

³ *Он же.* Из дум о былом. С. 338.

⁴ *Иоанн (Стеблин-Каменский), свмч.* Соловецкие новомученики / Сост. иг. Дамаскин (Орловский). Соловецкий монастырь, 2009. С. 205.

⁵ *В.Н.И.* Соловецкий концлагерь (со слов очевидца) // Возрождение. 1925. №120.

По словам И. Бергера, относящимся к первой половине 1950-х гг., когда по ИТЛ прокатилась волна процессов, связанных с выявлением подпольных «сионистских групп», большинство знакомых ему русских евреев «считало, что главное зло – это не национальный вопрос, а та идеология, на основании которой человека лишают его неотъемлемых прав»¹.

О.Л. Адамова-Слиозберг, болезненно воспринимавшая «малейшее проявление антисемитизма»², на страницах своих воспоминаний приводит единственный пример, когда ее соседка по колымскому этапу, деревенская девушка, «рассказывала бесконечные истории о том, как евреи умеют устраиваться»³.

Во всех остальных описанных ею случаях неприязненное отношение к заключенным возникало в связи с политической статьей или партийной принадлежностью, но отнюдь не из-за их национальности.

«Обитатели уютных квартир боялись с нами общаться, как с зачумленными. Я не помню случая, чтобы мне предложили сесть погреться или дали поесть»⁴, – вспоминала Ольга Львовна о пребывании в Магаданском крае.

В другом месте она передала разговор с бригадиром, который, узнав, что та пришла ходатайствовать о посильной работе для «Раи <Гинзбург>, Розы Боровой и других женщин», имен которых он не знал и лично не был знаком, отказал в просьбе, выяснив, что те являлись коммунистками. «Ах, бывшие члены партии? Вот если бы вы были проститутки, я дал бы вам мыть окошечки, и вы делали бы по три нормы. Когда эти члены партии в 1929 г. раскулачивали меня, выгоняли из дома с шестью детьми, я им говорил: “Чем же дети-то виноваты?” Они мне отвечали: “Таков советский закон”. Так вот, соблюдайте советский закон, выбрасывайте по девять кубометров грунта!»⁵

Признавая, в конечном счете, отсутствие межнациональной розни не только в местах лишения свободы, но и по всей стране, О.Л. Адамова-Слиозберг объясняла это тем, что «революция как метлой смела с души все национальные чувства. Какая разница, кто мы: евреи, русские, татары или китайцы»⁶.

Подобная характеристика совпадает с выводами украинского националиста И.П. Багряного (Лозовьягина), по мысли которого большевики пытались «сделать для сотни национальностей единую “Советскую родину” и навязы-

¹ Бергер И. Крушение поколения: Воспоминания. Firenze: Aurora, 1973. С. 271.

² Адамова-Слиозберг О.Л. Путь. М.: Возвращение, 1993. С. 227.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 82–83.

⁶ Там же. С. 233.

вают ее массам, эту страшную тюрьму народов... стремясь сделать из многонационального СССР единую красную империю»¹.

О политике тотального обезличивания, морального и физического уничтожения тех, кто противился процессу денационализации, писал и Ф.К. Олехнович. По словам этого театрального и общественного деятеля, курс на «беларусизацию», взятый в ходе борьбы с «великорусским шовинизмом», очень быстро сменился обвинениями в «искривлении» национальной политики, «уклоне», контрреволюции, связи с дефензивой, фашизме, шпионаже, вооруженном восстании и мало ли еще в чем»².

Жертвами подобных обвинений стали люди самых разных национальностей, в том числе представители украинской интеллигенции, о которых пишет в своих воспоминаниях С.А. Пидганий³.

Насильственному интернационализму большевиков в среде демократической интеллигенции – часто марксистской, полной революционных порывов – предшествовал добровольный отказ от веры и традиций предков. В качестве примера здесь можно привести родителей Е.Л. Олицкой, о которых она рассказывает в первой главе своих воспоминаний.

Ее отец, сын богатых евреев-коммерсантов, еще в юные годы стал народовольцем. Из ссылки он бежал за границу, где познакомился с матерью Екатерины Львовны, которая происходила из старой дворянско-помещичьей семьи и получала в то время образование в Швейцарии. Их брак вызвал переполох среди родственников, усугублявшийся тюремным заключением и поднадзорной ссылкой молодоженов за прежнюю антиправительственную деятельность. Но скоро наступило примирение, итогом которого стала совместная покупка небольшого поместья в Курской губернии, где и прошло детство будущей соловецкой заключенной⁴.

Случай, не такой уж и редкий на рубеже XIX–XX вв., указывает на сложный процесс переосмысления традиционных и усвоения новых ценностей на основе старых или отрицания их. Он также свидетельствует о терпимости дореволюционного общества, которая брала свое начало в учении апостола Павла о единстве во Христе, где «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного» (Кол 3. 11) – чуждого как античному, так ветхозаветному сознанию.

Национальная политика большевиков, как и многое из того, что составляет основу европейской цивилизации, особенно в области прав и свобод человека,

¹ Багряный (Лозовьягин) И.П. Почему я не хочу возвращаться в СССР. Виннипег, 1946. С. 11.

² Олехнович Ф.К. В когтях ГПУ. Минск: Харвест, 2012. С. 48.

³ Пидганий П.А. Украинская интеллигенция на Соловках. Новый Ульм: изд-во «Прометей», 1947. 93 с.

⁴ Олицкая Е.Л. Мои воспоминания. Frankfurt/M: Посев, 1971., Кн. 1. С. 9–12.

вышла из того же учения. Однако, лишенная религиозного содержания, она диссонировала с догматикой, каноникой и господствующей исторической практикой Восточной церкви, которая, по утверждению обер-прокурора Священного синода А.В. Карташова, не посягала «на чью бы то ни было национальную свободу: свободу языка, культуры и всего жизненного бытового уклада»¹.

Духовный идеал, предостерегающий от дискриминации по любому социальному признаку, при всех издержках реальной политики и идейных искажений российского общества оказывал заметное влияние на взаимодействие его членов, на что указывал публицист М.А. Славинский: «Высокий сравнительно уровень русской культуры и благородные качества русской интеллигенции сыграли весьма важную роль в утверждении государственного единства в национальном сознании недержавных народов России <...>. Русская культура и русская интеллигенция естественным, лишенным всякого оттенка принужденности, влиянием свободно признанного авторитета своего сделали то великое национальное дело, которое не под силу никакой государственной власти»².

Несмотря на возможные недостатки, усилия государства способствовали включению целых народов в судебно-правовую, политическую и экономическую системы страны, развитию светского и сохранению духовного образования в регионах, приобщению их жителей к общемировой культуре, результатом чего стало, например, то, что «к началу XX в. в лице основной части чеченцев и ингушей Российской империя имела подданных, преданно служивших ее интересам»³.

Даже репрессивные меры, видимо неизбежные ввиду несовершенства лежащего во зле мира (1 Ин 5. 19) и населяющих его людей, могли приобретать в России весьма примечательные оттенки, на что указывал польский профессор Б.И. Ясенецкий из воспоминаний Ю.И. Чиркова.

«Дед Богдана Ильича активно участвовал в восстании 1831 г. и был сослан в Сибирь, когда его сыну (отцу Богдана Ильича) было всего три года. В 1833 г. Николай I был на военных маневрах в районе Житомира, и пани Ясенецкая вместе с младенцем добилась приема у императора. Богдан Ильич очень красочно описывал, как царь поцеловал руку просительницы, взял ребенка на руки и спросил:

– Ты меня любишь?

Ребенок отвернулся и ответил:

– Нет, бо ты москаль!

¹ *Карташов А.В.* Религиозный вопрос на конгрессе меньшинств в Вене // *Путь*. 1933. №40. С. 49.

² *Славинский М.А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос // *Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей*. М., 1991. С. 417–418.

³ *Арсанукаева М.С.* Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии, XIX – начало XX вв.: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

– Мадам, – сказал печально император, – как вредно внушать младенцу неприязнь между нашими народами.
И он широко начертал на прощении: “Помиловать отца, дабы не было зла в сердце сына”.
Богдан Ильич спрашивал: “Как вы полагаете, господа, возможно ли такое чудо в наше время?!”¹

Отголоски дореволюционных традиций, истинной, а не пропагандистской «дружбы народов» звучат в воспоминаниях многих авторов, воспринимавших национальное единство и бесконфликтное сосуществование разных этнических групп в качестве нормы общественного бытия.

Ингуш С.А. Мальсагов, офицер «Дикой дивизии», в которой под командованием Великого князя М.А. Романова служили представители самых разных народов, описывая трагическую судьбу погибших на Соловках стариков-чеченцев, приводил ее в качестве примера действий большевиков, нацеленных на достижение «абсолютной покорности всего *русского народа* воле руководителей коммунистической партии»².

Другой кадровый офицер и герой Первой мировой войны Г.С. Габаев писал, что благодаря воспитанию и царившей в обществе обстановке «всегда считал себя русским, хоть и грузинско-французского происхождения»³.

Индус-мусульманин С. Курейши начинал рассказ о своем пятилетнем пребывании в советских тюрьмах и лагерях словами о том, что «моя нерусская национальность ставила меня в особенно благоприятные условия – ко мне очень сердечно относились мои собратья по заключению»⁴.

Описывая готовящихся к побегу ингушей, В. Канев сообщал, что остальные заключенные Кемского пересыльного пункта, догадываясь об их планах, беглецов не выдавали, «наоборот, каждый желал им успеха»⁵, хотя все прекрасно понимали, что в случае удачного группового побега оставшихся ждут неминуемые репрессии и ужесточение режима содержания.

И.М. Зайцев вспоминал кавказцев, которые, узнав о его отправке в штрафной изолятор на Секирной горе, «неподдельно искренно пожалели его, а сам завбаней, пожилой грузин, даже прослезился»⁶. На следующий день генерал

¹ Чирков Ю.И. А было всё так... М.: Политиздат, 1991. С. 236.

² Мальсагов С.А. Адский остров: советская тюрьма на далеком севере // ВСУ. Т. 1. С. 63.

³ Габаев Г.С. Отчет перед Родиной о работе и об испытаниях военного историка Георгия Габаева. Сводка автобиографических материалов 1877–1945 гг. // Звезда. 2009. №11 // URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/11/go10.html>

⁴ Курейши С. Пять лет в советских тюрьмах // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. С. 90.

⁵ Канев В. Ингуши // Владимирский православный календарь на 1963. Нью-Йорк, 1962. С. 43.

⁶ Зайцев И.М. Соловки // ВСУ. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014. С. 303.

из оренбургских казаков был до крайности тронут приготовленной для него трапезой. «В моей жизни, – писал он, – я немало участвовал на веселых, роскошных, обильных яствами пикниках, на торжественных обедах и ужинах, но все это ничто в сравнении с тем впечатлением, которое оставил в моей памяти импровизированный пикник в бане №2»¹.

Близкие по духу примеры встречаются и в более поздний период. Отец Павел Флоренский во второй половине 1930-х гг. сообщал родным о том, что среди его помощников «один молодой химик удмурт (вотяк), один молодой преподаватель и трое рабочих, из которых один украинец, один русский и один коми (зырянин)... Работаем вместе мирно...»²

В своем последнем письме священник рассказывал, что ему «симпатизируют многие магометане, и у меня есть приятель перс, два чеченца, один дагестанец, один тюрк из Азербайджана, один турок... С образованным казахстанцем иногда веду философические разговоры. А необразованный чеченец-мулла находит, что из меня вышел бы хороший мусульманин и приглашает приписаться к чеченцам... мы с ним и ему подобными хорошо уживаемся... Рядом со мною, бок о бок, спит один армянский крестьянин, а с другой стороны – поляк»³.

Отсутствие межэтнических конфликтов в местах лишения свободы в бытность существования соловецкого лагеря и тюрьмы вполне уживалось с тем, что заключенные в них соотечественники приходили на выручку друг друга.

Латышский моряк А.Р. Грубе писал о поддержке со стороны земляков, которые скрывали его от начальства, делились с ним хлебной пайкой, а когда этого потребовали обстоятельства, пожертвовали «восемь рублей, что в переводе на тюремные квитанции Соловков составляет в десять раз больше»⁴.

Ю.Д. Бессонов упоминал о стремлении магометан и иудеев хоронить своих единоверцев согласно национальным обычаям, что в середине 1920-х гг. не возбранялось начальством пересыльного пункта в Кеми⁵.

Анализ материалов личного происхождения показывает резкое ухудшение межнациональных отношений в самом начале Второй мировой войны, что было связано с завоеванием западных территорий, откуда «шел основной поток обвиненных в пособнической или буржуазно-националистической дея-

¹ Там же.

² Флоренский П.А., *свящ.* Указ. соч. С. 388.

³ Там же. С. 715–716.

⁴ Грубе А.Р. Записки человека с «того света» // Новое русское слово. 1930. №6480. С. 3.

⁵ Бессонов Ю.Д. Указ. соч. С. 471.

тельности, для которых ввиду тяжести предъявленных обвинений местом заключения, естественно, становились лагеря»¹.

«Всего в Тайшет из западных областей СССР в 1940 г. было доставлено не менее 100 000 человек»², – писал об этом периоде И. Бергер, подчеркивая масштабы процесса, не сумевшего, впрочем, полностью разрушить сложившуюся систему общественных взаимоотношений.

Даже в конце 1940-х гг. Н.С. Барциковский объяснял возникающее в местах лишения свободы противостояние исключительно политическими, но не национальными причинами. «Основную массу составляли люди из другого лагеря: пособники оккупантов, власовцы, бандеровцы. Среди этих “инакомыслящих” нам было солоно. Они смотрели на нас, как на своих врагов-коммунистов, а начальство, в свою очередь, как на “врагов народа”. Странное было у нас положение. Странное и страшное»³.

Отсутствие достаточного числа примеров не позволяет детально проанализировать генезис этнических конфликтов, но дает возможность выделить ключевые этапы изменений в характере межнациональных отношений среди лишенных свободы людей.

Рассказывая о конце 1920-х гг. О.В. Волков вспоминал, как мусаватисты, проявляя радушие к русским союзникам, отказывались общаться со своими тюремщиками. Примечательной здесь является фраза старосты азербайджанцев, обращенная к товарищам по несчастью: «Прощайте, друзья: таких русских, как вы, мы любим»⁴.

Якуты, которые бежали от Советской власти «в малодоступные районы тундры, спасаясь от разорения, ломки и уничтожения своего образа жизни и обычаев», оказавшись в лагере, «не понимали или не хотели говорить по-русски и ко всем “не своим” относились настороженно, отказываясь от всякого общения»⁵.

Спустя 20 лет заключенные латышки и эстонки, из воспоминаний О.Л. Адамовой-Слиозберг, уже демонстративно подчеркивали незнание русского языка, хотя, как выяснилось впоследствии, по-русски они говорили, но «так были злы на русских, что даже с нами не хотели говорить»⁶.

¹ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №7. С. 8.

² Бергер И. Указ. соч. С. 182.

³ Барциковский Н.С. За холодной стеной. Бугульма, 1998. С. 85–86.

⁴ Волков О.В. Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 50.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Адамова-Слиозберг О.Л. Указ. соч. С. 187.

По мнению современного исследователя, группировки поляков, прибалтийцев и украинцев имели заметное влияние на лагерное руководство, бывало, что землячества сотрудничали между собой, «но порой этнические группы проявляли враждебность и друг к другу, и к русским»¹.

Менялись с годами и русские люди, в которых, по мере распространения атеистического мировоззрения, укоренялись пороки, приводившие к разрушению традиционно добросердечного отношения к людям иной веры или национальности.

Описывая свои попытки спасти латышский этап от ограбления уголовниками, М.М. Розанов сообщал о том, что его инициатива не нашла отклика среди заключенных сотрудников лагерной администрации. «Кое-кто, может, и вступился бы за новеньких, но все молчали. Большинство нашей интеллигенции – я это чувствовал без слов – в душе презирая, ненавидя большевизм, вместе с тем, не питало симпатии к своим коллегам из иного мира»².

По мнению автора, дело было не в национальности вновь прибывших каторжан, а в том, что в его соотечественниках «поднялась желчь бедности против достатка. Стал на ноги тот конек зависти, на котором прикатил Октябрь, с его комитетами бедноты и вооруженным рабочим контролем над хозяином»³.

Сознательное разжигание классовой ненависти, политические и социальные эксперименты, нацеленные на радикальное изменение общественного сознания, спровоцировали появление национального антагонизма. Дальнейшему его углублению способствовало целенаправленное разрушение религиозных устоев и, следовательно, традиционной культуры этноконфессиональных отношений, что вело к распространению межнациональных конфликтов.

И все же, несмотря на то что во все годы существования ГУЛАГа русские в местах лишения свободы преобладали, они «в большинстве лагерей своей группировки не создавали»⁴.

Такое, мешавшее выживанию, поведение в окружении отнюдь не миролюбивых этнических групп⁵ объясняется исторической инерцией и является

¹ Эпплбаум Э. ГУЛАГ: Паутина большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 289.

² Розанов М.М. Завоевание белых пятен. Сыктывкар, 2006. С. 163.

³ Там же.

⁴ Эпплбаум Э. Указ. соч. С. 289.

⁵ «Что СССР должен был распасться, <Г.С.> Померанц знал давно. Узнал в лагере. Настроения эстонцев, латышей, литовцев и украинских бандеровцев там были видны отчетливо. Кстати, зверства бандеровцев в лагере – тема особая. Об этом Гриша и его товарищи не могли говорить без содрогания» (Миркина З.А. Единственная революция // Российская газета. 2014. №6388).

практическим доказательством того, что «русская политика никогда не строилась на принципе разделения людей и племен»¹.

Вывод И.Л. Солоневича подтверждает О.В. Волков, который, обнажая традиционный для отечественной культуры примат нравственного над национальным, признавался, что «чувствовал свою вину русского из-за принадлежности к могучему народу – покорителю и завоевателю, перед которым приходилось смиряться и поступаться своим, национальным»².

В словах человека, который сам более четверти века провел в сталинских ссылках и лагерях, проявляется отличительная черта русской ментальности – способность смириться и поступиться своим, национальным, не перед лицом внешней силы, а перед лицом вечной Истины, призывающей к прощению, покаю и справедливости, определяющей максимум поведения с другими людьми.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть отсутствие у большинства мемуаристов-соловчан выраженного интереса к теме межнациональных отношений. Упоминания об этноконфессиональной принадлежности, как правило, носят контекстный и описательный характер и, за исключением отдельных немногочисленных случаев, не содержат оскорбительных высказываний в адрес представителей других народов.

В оценке человека на первый план выходят его личные качества, взаимоотношения с товарищами и общими врагами – сексотами, сотрудниками лагерной или тюремной администрации.

Поводом для неприязни со стороны начальства и вольного населения также становилась не национальная принадлежность заключенных, а факт осуждения по политической статье, клеймо «контрреволюционера» или «врага народа», что, с точки зрения советской общественной морали, фактически лишало осужденных их гражданских прав и даже права на человеческое достоинство. Что касается союзников, то здесь, наоборот, поводом для остракизма являлась в первую очередь принадлежность к коммунистической партии, что можно считать неизменной тенденцией на протяжении всей истории ГУЛАГа.

Говоря о динамике развития межнациональных отношений, следует отметить, что в первые десятилетия Советской власти представители периферийных районов бывшей Российской империи либо продолжали считать себя частью русского мира, либо в отсутствии этнической ксенофобии и сами вели себя нейтрально в отношении других заключенных, что разряжало конфликтную обстановку в местах лишения свободы.

Проблемный характер межнациональные отношения начали приобретать в период Второй мировой войны в связи с массовым появлением в местах заключения жителей западных регионов и других депортированных народов,

¹ Солоневич И.Л. Россия и революция. М.: ФИВ, 2007. С. 248.

² Волков О.В. Указ. соч. С. 85.

видевших в русских пособников коммунистов, которые, в свою очередь, воспринимались в качестве источника зла.

Отсутствие национальной неприязни в среде советских заключенных не говорит об отсутствии конфликтов как таковых – они возникали по любому поводу в местах лишения свободы, где «было тесно, и поэтому борьба за жизнь была особенно заострена»¹.

Дело в том, что в советском обществе, построенном на принципах классовой борьбы, разделении по сословному, политическому, религиозному признакам, в течение значительного времени продолжали действовать многовековые социально-нравственные традиции дореволюционной России, чью основу составляли известные религиозные нормы, нацеленные на объединении людей вне зависимости от их национальной или социальной принадлежности.

В наши дни на Соловках наблюдается «парад суверенитетов», в рамках которого появляются все новые и новые обособленные мемориалы (армянский, польский, русский, украинский, якутский). Не вынося категорических оценок явлению, находящемуся в русле современной политической конъюнктуры и актуального общественного самосознания, необходимо указать на то, что оно не выражает полноты исторической правды и не всегда ведет к созиданию добросердечных межнациональных отношений, примеры которых содержат воспоминания соловецких узников.

Литература и источники

Адамова-Слюзберг О.Л. Путь. М.: Возвращение, 1993.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992.

Анциферов Н.П. Путь моей жизни: Воспоминания. 1958 г. // ОР РНБ, архив Н.Н. Анциферова.

Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии, XIX – начало XX вв.: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2010.

Багряный (Лозовьягин) И.П. Почему я не хочу возвращаться в СССР. Виннипег, 1946.

Барциковский Н.С. За холодной стеной. Бугульма, 1998.

Бергер И. Крушение поколения: Воспоминания. Firenze: Aurora, 1973.

Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловецкий монастырь, 2013.

¹ *Ширяев Б.Н.* Указ. соч. С. 63.

- Булыгин А.Д.* Соловецкая быль // Коллекция мемуаров и литературных произведений НИПЦ «Мемориал» (Москва)
- В.Н.И.* Соловецкий концлагерь (со слов очевидца) // Возрождение. 1925. №120.
- Волков О.В.* Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия, 1989.
- Габаев Г.С.* Отчет перед Родиной о работе и об испытаниях военного историка Георгия Габаева. Сводка автобиографических материалов 1877–1945 гг. // Звезда. 2009. №11.
- Грубе А.Р.* Записки человека с «того света» // Новое русское слово. 1930. №6480.
- Зайцев И.М.* Соловки // ВСУ. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014.
- Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №7.
- Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958, социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006.
- Канев В.* Ингуши // Владимирский православный календарь на 1963. Нью-Йорк, 1962.
- Карташов А.В.* Религиозный вопрос на конгрессе меньшинств в Вене // Путь. 1933. №40.
- Киселев-Громов Н.И.* Лагери смерти в СССР. Шанхай, 1936.
- Клингер А.* Соловецкая каторга. Записки бежавшего // ВСУ. Т. 1.
- Курейши С.* Пять лет в советских тюрьмах // ВСУ. Т. 2.
- Леонардович М.* На островах пыток и смерти // ВСУ. Т. 1.
- Мальсагов С.А.* Адский остров: советская тюрьма на далеком севере // ВСУ. Т. 1.
- Миркина З.А.* Единственная революция // Российская газета. 2014. №6388.
- Олехнович Ф.К.* В когтях ГПУ. Минск: Харвест, 2012.
- Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания. Кн. 1. Frankfurt/M: Посев, 1971.
- Пидгайный П.А.* Украинская интеллигенция на Соловках. Новый Ульм: изд-во «Прометей», 1947.
- Розанов М.М.* Завоевание белых пятен. Сыктывкар, 2006.
- Славинский М.А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей. М., 1991.
- Соловецкие новомученики / Сост. иг. Дамаскин (Орловский). Соловецкий монастырь, 2009.
- Солоневич Б.Л.* Тайна Соловков. Брюссель, 1942.
- Солоневич И.Л.* Россия и революция. М.: ФИВ, 2007.
- Сошина А.А.* Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках (1923–1939 гг.) // Соловецкое море. 2010. №9.

Флоренский П.А., свящ. Соч.: в 4 т. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. М.: Мысль, 1998.

Чирков Ю.И. А было всё так... М.: Политиздат, 1991.

Шауфельбергер А. Соловки // ВСУ. Т. 1.

Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012.

Эпльбаум Э. ГУЛАГ: Паутина большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006.

Сведения об авторе:

Иерей Вячеслав Умнягин,
ответственный редактор книжной серии
«Воспоминания соловецких узников» (1923–1939).

priest Vyacheslav Umnyagin,
Executive editor of the book series
«Memories of Solovki prisoners» (1923–1939).